

КАЛЕНДАРЬ

СКОЛЬКО ОСТАЛОСЬ ЖИТЬ САМИЗДАТУ?

Летние месяцы не принесли новых номеров машинописных журналов, поэтому мне хочется заменить обычный "обзор периодики" заметками на смежную тему.

Сколько осталось жить самиздату? Вопрос не праздный. Так или иначе позитивные сдвиги, происходящие во внутрилитературном режиме СССР, может быть, через год, а может быть, через 10 лет, несомненно должны повлиять на репертуар отрегулированной /как МК/ и "самотечной" самиздатовской продукции на русском языке.

Слово "самиздат" зародилось сравнительно недавно, каких-нибудь 20-25 лет назад, а понятие, им обозначаемое, существовало, по сути, с появлением книгопечатания на Руси. Многие адепты андерграунда склонны забывать, что и задолго до 1917 года не все тексты могли появиться в печати своевременно или же появиться вообще. Пушкинская "Гавриладида", например; стихи Баркова /не опубликованные и прочие/ - возьмем пока только лишь "художественную" литературу. Между тем почти все запрещенное плодилось в бесконечном количестве списков - и этот "самиздатовский" тираж во многих случаях, должно быть, смог бы превзойти реальный, если бы тот существовал. Споры нет, тогдашняя цензура была, не в пример нынешней, весьма либеральной, но даже беглый взгляд на индекс запрещенных правительством книг /я смотрел такую брошюру 1914 года/ позволяет отметить широкий диапазон "безнравственных и нечестных произведений", не допускаемых к печати. Сказывалось ли это, спросим попутно, на свободе творчества художника? В целом, нет - публиковать /не говоря уж о писать/ при минимальной изворотливости можно было все что угодно /если не в России, то в Лондоне или Париже/ - особых репрессий к авторам не применялось. Вся запрещенная литература в то время совершенно четко делилась на две группы: первая /и самая многочисленная/ - политическая; вторая /поскромнее/ - так называемая "порнография".

Положение существенным образом не изменилось и в первые годы советской власти. В условиях превалирующей монополии средств государственной информации, неугодные произведения из тех же двух категорий просто не находили издателя. Между тем, надо отметить, что рамки "нравственного" сильно в эти годы раздвинулись и появилась целая группа произведений, с политической точки зрения вполне ортодоксальных, но рассматривающих различные аспекты эротической сферы /Л.Гумилевский, А.Малашкин/. Вместе с тем, даже в те весьма либеральные годы самиздат продолжал существовать. В число произведений этого круга входили и такие знаменитые ныне книги, как "Мы" Замятина, "Собачье сердце" Булгакова, "Повесть непогашенной луны" Пильняка, повести Платонова, поэмы Клюева. С годами количество таких произведений росло, а ареал их распространения все более и более сужался, пока не остановился на самом авторе и /не всегда/ его близких. Существует вполне распространенное мнение^х, что к концу тридцатых, в течение сороковых и вплоть до "Доктора Живаго" никто ничего подобного не писал — из страха, разумеется. Это более чем неверно. С каждым годом нам открывается немало подобных произведений тех лет — произведений, казалось бы, навеки замурованных в архивах / "Софья Петровна" Л.Чуковской и мн. др. — преимущественно стихи/.

И здесь нужно отметить весьма важный момент. Если "самиздатских" произведений второй группы, т.е. "порнографических" /это слово мы намеренно берем в ^{большие} кавычки/, скорее всего, не было и вовсе, то, напротив, растет удельный вес прежде совершенно незнакомой категории — назовем ее "третьей группой" — произведений, непубликуемых по соображениям эстетическим. Более того, можно сказать с полной уверенностью, что все так или иначе авангардное /по форме или содержанию/ попадало в разряд "самиздата". Любая "экспериментальная" литература заведомо не находила издателя. Думаю, что нет особой нужды останавливаться на причинах этого явления — они всем хорошо известны.

В 60-е годы, в условиях хрущевской "оттепели", ситуация стала меняться. Но как? Были опубликованы наиболее "умеренные" произведения как первой, так и третьей группы. Более того,

^х Подобная точка зрения, в частности, отчетливо прозвучала на недавней конференции Клуба-81 в Ленинграде о путях развития культуры 60-х — 80-х годов.

в искусстве в какой-то степени даже культивируется некоторое авангардоподобие — вспомним хотя бы популярные в то время безграмотные произведения Андрея Вознесенского. Наряду с этим возникает тот самый самиздат, который и принято ныне называть собственно "самиздатом" — т.е. всякого рода неортодоксальная политическая литература — от лагерных воспоминаний до воззваний и писем протеста. В конце пятидесятых в Москве возникает подпольная группа "сексуальной мистики", возродившая /в лице Ю.Мамлеева и его эпигонов/ вторую группу произведений самиздата.

В 70-х годах наблюдаем следующую картину: к концу десятилетия в самиздатском потоке все больше и больше становится произведений третьей и второй группы, и все меньше первой. Эстетический нонконформизм вытесняет политический. К концу семидесятых возникают в значительном количестве /в том числе и в русском зарубежье — т.е. в "типографском самиздате"/ собственно литературные самиздатские журналы, дейлогизированность которых с каждым днем растет. Они публикуют даже не художественные произведения с политической подоплекой, а, в значительной степени, идеологически нейтральные тексты, вплоть до переводных детективов и авантюрных романов. Примером такого рода изданий может служить и образованный в 1982 году МИТИН ЖУРНАЛ.

А теперь вернемся к вопросу, обозначенному в заголовке этих заметок. Какова дальнейшая судьба самиздата? Пока еще весьма и весьма робкий либерасьен, намечающийся в последние полтора года в культурной политике, должен в течение 80-х годов непосредственно повлиять на самиздатскую конъюнктуру. При всем нашем скептическом отношении к различного рода новшествам и преобразованиям "сверху", мы должны быть готовыми к тому, что возникает возможность официальной публикации всех текстов третьей группы — т.е. самиздата "эстетического". Более того, не исключена возможность издания произведений первой группы — политического самиздата, ныне уже немногочисленного. При этом надо учитывать, что при заданной ориентации произведений такого рода на актуальность, многие "шедевры" политической литературы катастрофически утратили свою ценность за последнее время. Итак, если все это будет опубликовано, что же останется нам? Вроде бы ничего. Ах нет. Мы еще можем поверить, в русле оптимизма последнего года, что авторы эстетически нонконформных произведений найдут издателя, но никогда не поверим в то,

что "перестройка" коснется произведений, а теперь уже весьма многочисленных, нонконформных нравственно. Издание текстов второй группы надолго, если не навсегда, останется прерогативой самиздата. Да, на нашу долю придется то, что не совпадало и не будет совпадать с общественной моралью. Но так ли это скверно?

Любопытно, что то же самое произошло бы в весьма маловероятном случае радикальной перемены политической власти в стране. Программные документы НТС недвусмысленно сообщают, что цензура в Новой России будет ограничиваться исключительно "требованиями нравственности". Это означает, что, в любом случае, мы не увидим в книжных магазинах произведений, скажем, В.Сорокина, Е.Харитонova, Виктора Ерофеева, а может, даже набоковской "Долиты". Много это или мало? И да и нет. В одном можно быть спокойным: людям, так или иначе причастным к самиздатской журналистике, можно не волноваться — на их век материалов хватит. Тем более до сих пор, пока благие намерения литературных чиновников остаются всего лишь благими намерениями.

август, 1986.